

Лев Толстой

Севастопольские рассказы

Кзаки

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2024

Иллюстрация на фронтисписе:
Лев Толстой. Фотография с дагеротипа 1854 года.
Звенигородский историко-архитектурный
и художественный музей.

*Текст печатается по изданию: Толстой Л. Н. Собрание сочинений
в 22 томах. Т. 2, 3. — М.: Художественная литература, 1978.*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т53

Толстой Л.

Т53 Севастопольские рассказы. Казаки / Лев Толстой. — М. : Альпина
Паблишер, 2024. — с. : ил. — (Главные книги русской литературы).
ISBN 978-5-9614-9248-4

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9248-4

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ
для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца
авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке
издательства обращайтесь по адресу tu@lib@alpina.ru.*

© Курицын В., 2022
© Зубков К., 2024
© ООО «Альпина Паблишер», 2024

Предисловие «Полки»

*Полухудожественные, полурепортажные очерки
из горячей точки 1855 года. Толстой показывает
войну как никто до него и вырывается в первые
ряды русской литературы.*

Вячеслав Курицын

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О кульминационном эпизоде Крымской войны — блокаде Севастополя превосходящими силами англо-франко-турецкой коалиции, которая продолжалась с осени 1854-го по август 1855-го. В книге отражены ситуация в городе, конкретные военные операции и переживания их участников. Три рассказа цикла — «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года» — охватывают весь период осады.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

В 1855 году, синхронно с описываемыми событиями, большей частью на месте действия, в армейском лагере. Сначала был замысел рассказа «Севастополь днем и ночью», разбившийся на две части: «дневной» «Севастополь в декабре месяце» сочинялся с 27 марта по 25 апреля, «ночной» «Севастополь в мае» был создан примерно за неделю в двадцатых числах июня. Работа над «Севастополем в августе» началась в середине сентября, а завершилась уже после того, как автор покинул фронт, в конце года в Петербурге.

КАК ОНА НАПИСАНА?

По-разному. Первый текст более других похож на очерк. Невидимый собеседник водит читателя по городу: вот бульвар

с музыкой, вот госпиталь с героями, а вот здесь воюют, убивают и умирают; Борис Эйхенбаум даже назвал первый рассказ «путеводителем по Севастополю». Второй текст — психологический этюд в форме рассказа. Толстой с пугающей осведомленностью описывает мысли и чувства довольно многочисленных военных персонажей. Завершается рассказ эффектной аллегорией: воин, уверенный, что погибнет, остается жить, а воин, думающий, что спасся, умирает.

Третий текст, по наблюдению того же Эйхенбаума, это «этюд большой формы». История двух братьев, которые, встретившись в начале рассказа, гибнут в его конце, так больше и не увидев друг друга; автор словно приходит к выводу, что реальность не может быть постигнута с помощью очерка или рассуждения, а требует выражения через сложный (в идеале семейный) сюжет. Всеми этими разными способами письма Толстой решал одну задачу: передать реальность «какова она есть на самом деле». «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» — последние фразы второго рассказа.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Толстой, несмотря на подчас весьма строгую интонацию в оценке классиков и современников, был очень

восприимчивым автором. Исследователи находят в «Севастопольских рассказах» влияние Теккерея, которого Лев Николаевич как раз в это время читал по-английски («объективность»), нравоучительной традиции от Руссо до Карамзина, Гомера (откровенность в изображении батальных подробностей), Стендаля (тема денег на войне; этого автора Толстой и сам напрямую объявлял своим предшественником в описании войны), Стерна с его дискурсивными экспериментами (Стерна Толстой переводил на русский язык) и даже Гарриет Бичер-Стоу*¹ (из ее рассказа «Дядя Тим», опубликованного в «Современнике» в сентябре 1853-го, Толстой позаимствовал тон разговора с читателем: «Видите ли вы там, вдали, домик, окрашенный темною краской?»).

Кроме того, Толстой (как минимум в первом тексте цикла) ориентировался на текущую журнальную и газетную публицистику. Жанр «письма с места событий», известный еще со времен «Писем русского путешественника», прекрасно дожил до середины пятидесятых. «Письмо из Севастополя. Севастополь, 21 декабря 1854 года» (Г. Славони), «Из Симферополя, 25 января 1855 года» (Н. Михно) — названия

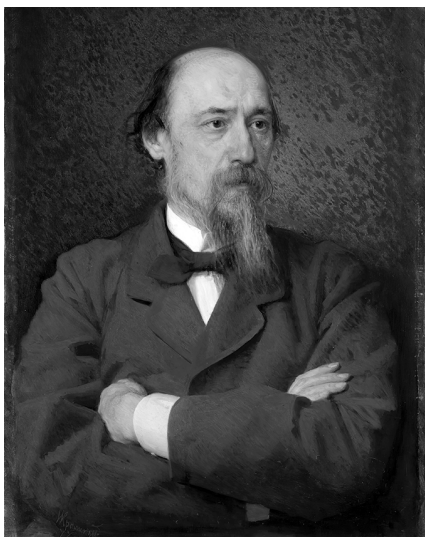
типичные. А очерк А. Комарницкого «Севастополь в начале 1855 года» («Одесский вестник», 2 и 5 апреля) не только напоминает текст Толстого названием, но и использует прием обращения к читателю («Знаете ли вы севастопольских моряков? Если скажете, что знаете, я спрошу вас: были ли вы, хоть один раз, в Севастополе, со дня его осады? Не были? — значит, вы не знаете его защитников»).

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Все три рассказа сначала напечатаны в журнале «Современник»: дважды под разными подписями, а один раз вовсе без указания автора.

Первый появился в шестом номере за 1855 год с подписью «Л. Н. Т.» (все предыдущие опубликованные на тот момент и в том же издании тексты сочинителя подписывались схожим образом: Л. Н. — «Детство» и «Набег» и Л. Н. Т. — «Отрочество» и «Записки маркера») и с незначительными цензурными правками («белобрысенький» мичман стал «молоденьким» во избежание насмешливой интонации, «вонючая грязь»

*¹ Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (1811–1896) — американская писательница. Преподавала в школе для девочек, писала рассказы. Книга, которая принесла ей мировую известность, — «Хижина дяди Тома» (1852). Роман о чернокожем рабе приобрел в Америке огромную популярность (за первый год продажи книги составили 350 тысяч экземпляров) и стал предвестником Гражданской войны, начавшейся спустя 10 месяцев после публикации первой главы романа.

Николай Некрасов. Портрет Ивана Крамского. В журнале Некрасова «Современник» впервые были опубликованы «Севастопольские рассказы»

и «неприятные следы военного лагеря» исчезли как намек на недоработки военного руководства).

Второй рассказ (известный нам как «Севастополь в мае»; при первой публикации в сентябрьском номере 1855 года он назывался «Ночь весною 1855 года в Севастополе») подвергся чудовищной цензуре. Сначала множество правок внесла редакция, высоко оценившая художественный уровень рассказа, но испугавшаяся «беспощадности и безотрадности» (причем это были не только

сокращения, но и вписывания «патриотических фраз»). Потом председатель цензурного комитета Михаил Мусин-Пушкин вовсе запретил печатать текст, но в итоге (возможно, узнав, что творчеством Толстого интересуются «на самом верху») разрешил публикацию — уже и со своими значительными вмешательствами. В результате редакция сама сняла подпись автора и извинялась перед Толстым, что иначе поступить не могла.

Третий рассказ автор завершил перед самым Новым годом; чтобы успеть напечатать его в январской книжке «Современника» за 1856-й, редакция, разрезав рукопись на части, раздала ее восьмерым наборщикам. Автор, находившийся в Петербурге, мог следить за процессом и вносил дополнения в текст по ходу набора. Видимо, он остался удовлетворен результатом, поскольку под «Севастополем в августе 1855 года» впервые появилась в печати подпись «граф Л. Толстой».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Первый рассказ, «Севастополь в декабре», еще до выхода номера журнала в свет Петр Плетнев^{*1} представил в оттиске Александру II. Рассказ, воспевавший

^{*1} Петр Александрович Плетнев (1791–1866) — критик, поэт, преподаватель. Близкий друг Пушкина. Был учителем словесности в петербургских женских институтах, кадетских корпусах, Благородном пансионе, преподавал литературу будущему императору Александру II. С 1840 по 1861 год — ректор Санкт-Петербургского университета. Писал стихи и критические статьи, был редактором альманаха «Северные цветы» и журнала

героизм, произвел на монарха сильное впечатление, он распорядился перевести текст на французский, сокращенный вариант появился в *Le Nord* (эта газета выходила в Брюсселе на деньги русского правительства) под названием «*Une journée à Sebastopol*», а затем в *Journal de Francfort*.

Российская военная газета «Русский инвалид» скоро перепечатала рассказ в больших «извлечениях», назвав текст «истинно превосходной статьей». Панаев: «Статья эта с жадностью прочлась здесь всеми». Тургенев: «Совершенный восторг»; «Статья Толстого о Севастополе — чудо! Я прослезился, читая ее, и кричал: ура!». Некрасов: «Успех огромный». «Петербургские ведомости»: «Высокое и яркое дарование». «Библиотека для чтения»: «Замечательная статья». «Отечественные записки»: «Заставил восторгаться»; «вы удивляетесь на каждом шагу». Иван Аксаков^{*1}: «Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь — и кажется, что не трусишь и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время теплый анализ в сочинениях этого Толстого».

После «Севастополя в мае» «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что Толстой «становится наряду с лучшими нашими писателями». «Отечественные записки» опубликовали выдержки с комментариями: «Жизнь, и чувство, и поэзия». Журнал «Пантеон»: «Самое полное и глубокое впечатление». «Военный сборник»: «Изображено так живо, так естественно, что невольно увлекает и переносит на самый театр действий, как бы ставит самого читателя непосредственным зрителем событий». Чаадаев: «Очаровательная статья». Чернышевский: «Изображение внутреннего монолога надобно, без преувеличения, назвать удивительным» (не исключено, кстати, что Чернышевский первым и именно в этой фразе употребил выражение «внутренний монолог» в смысле, близком к «поток сознания»). Тургенев, прочитавший рассказ целиком, в цензурном виде: «Страшная вещь». Писемский (также о полном варианте): «Статья написана до такой степени безжалостно... что тяжело становится читать».

«Современник» после смерти Пушкина. В 1846 году продал «Современник» Николаю Некрасову и Ивану Панаеву.

^{*1} Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) — публицист, поэт, общественный деятель, издатель нескольких славянофильских журналов и газет. Сын писателя Сергея Аксакова, брат славянофила Константина Аксакова, был женат на дочери Федора Тютчева. Играл важную роль в жизни Московского славянского комитета, с 1875 по 1878 год был его председателем. После выступления Аксакова с критической речью по поводу Берлинского конгресса, созванного для пересмотра условий мирного договора в Русско-турецкой войне, публицист был выслан из Москвы, а сам комитет закрыт.

Константиновская батарея. Из «Севастопольского альбома» Николая Берга. 1858 год

«Севастополь в августе 1855 года» Некрасов назвал уже повестью, подчеркивая, что достоинства ее «первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных замечаний, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — сила, всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове — вот достоинства повести».

«Русский инвалид» написал, что «русский сказ дышит истиною». «Петербургские

ведомости»: «Типы солдат очерчены... художнически... их разговоры и шутки — все это дышит истинною жизнью, неподдельною натурою». Писемский: «Этот офицеришка всех нас заключает. Хоть бросай перо». Правда, критик Степан Дудышкин в «Отечественных записках» писал, что «Август» повторяет предыдущие севастьяпольские тексты Толстого и именно поэтому автор перестал их писать; и это любопытное замечание, Толстой действительно обкатывает в третьем тексте открытия двух первых, пока только нащупывая возможность сотворить с их помощью большую форму.

Однако в целом рассказы по-прежнему оцениваются очень высоко. Дружнин пишет про три сразу: «Из числа всех

неприятельских держав, войска которых были под стенами нашей Трои, ни одна не имела у себя хроникера осады, который мог бы соперничать с графом Львом Толстым». Аполлон Григорьев: «Картина мастера, строго задуманная, выполненная столь же строго, с энергиею, сжатостью, простирающейся до скупости в подробностях, — произведение истинно поэтическое и по замыслу, то есть по отзыву на величавые события, и по художественной работе».

Итоги подвел сам Толстой в черновике романа «Декабристы», характеризуя одного из проходных персонажей: «Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли солдаты с бастионов из ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю».

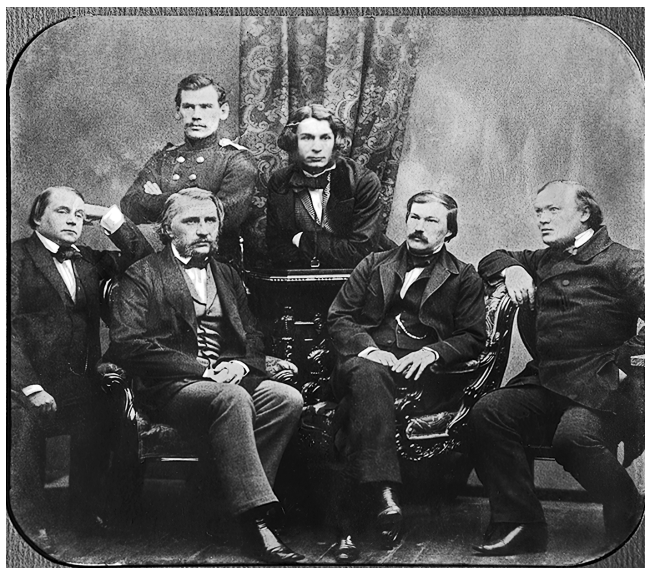
ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

В конце 1855-го Толстой триумфально въехал в Петербург (отставку он получит почти через год, но его статус военнослужащего этот год будет носить совершенно формальный характер). Во всех редакциях устраиваются обеды в честь нового гения, все ищут общения, Тургенев уговаривает его переехать из гостиницы к нему, Некрасов подписывает

с ним соглашение о публикации всех новых произведений в «Современнике». Толстой пишет «Двух гусар», готовит к выпуску свои первые книги (издателем выступает книгопродавец Алексей Иванович Давыдов): интересующие нас «Военные рассказы» (которые при подаче рукописи в цензуру назывались «Военные истины»; кроме севастопольских историй туда вошли «Набег» и «Рубка леса») и «Детство и отрочество». Дружинин и Панаев берут шефство над молодой звездой, пытаются помочь в редакции, «облегчить» произведения для восприятия простым читателем, и Лев Николаевич не против, соглашается укорачивать особо длинные предложения¹.

Но сам укрощению не поддается. Ударяется, к ужасу своих новых друзей, в кутежи, дневник его этих месяцев полон плотских стенаний. На литературных сборищах ведет себя неpolitкорректно, режет налево-направо правду-матку (Тургенев даже именует Толстого «троглодитом»), а в конфликте между революционным (Чернышевский, Добролюбов) и либеральным (Тургенев, Гончаров, Григорович) крыльями «Современника» ничью сторону не занимает, хотя оба крыла на него претендовали.

При этом в начале года умирает брат Толстого Николай, в Петербурге писатель переживает несколько не слишком удачных любовных приключений, да и литературные дела идут не так блестяще, как хотелось бы. Оказывается,

Групповой портрет писателей — членов редколлегии журнала «Современник». Во втором ряду: Лев Толстой и Дмитрий Григорович. Сидят: Иван Гончаров, Иван Тургенев, Александр Дружинин и Александр Островский. 1856 год. Фотография Сергея Левицкого

признание критики не равно интересу публики. Несмотря на то что Толстой согласился, чтобы его книгам была назначена цена полтора рубля серебром за экземпляр вместо двух, назначенных первоначально автором (для сравнения: новый сборник Тургенева продавался за четыре), торговля шла сдержанно, остатки двухтысячных тиражей лежали в магазинах еще через три года².

Позднее он напишет об этом периоде в «Исповеди»: «Люди эти мне опротивели, и сам себе я опротивел». Получив отставку, Толстой уезжает в Ясную Поляну, потом за границу; вернувшись оттуда, увлекается организацией школ для крестьянских детей. В литературный мир он вернется заметно позже.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ» ЦЕЛОСТНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ?

Вопрос дискуссионный. В центре каждого из рассказов — подчеркнуто разные темы. «Севастополь в декабре»: удивительное сочетание в одном пространстве мирной городской и кровавой военных реальностей; кроме того, здесь довольно много говорится о беспримерном мужестве русских войск. Герои здесь практически не выделены, герой — масса.

«Севастополь в мае»: на переднем плане вопрос тщеславия, выявление механизмов, определяющих поведение человека на войне, сочетание

храбрости и трусости в одной и той же грешной душе, «аристократизм» подлинный и мнимый: довольно радикальное (и на фоне воспевания героизма в первом рассказе, и вообще на фоне традиции) расширение проблематики батальной прозы. Персонажей «Севастополя в мае» почти столь же сильно, как жизнь и смерть, волнует, как они выглядят в глазах окружающих и достаточно ли пренебрежительно ведут себя в отношении нижестоящих. Это и смутило цензуру: на месте подвига и патриотизма оказалась игра мелких страстей.

И, наконец, «Севастополь в августе»: главные герои, братья Козельцовы, больше похожи на живых людей, чем аллегорические персонажи «Мая», при этом они не высокие аристократы, а дворяне средней руки, и представления о «честь» у них более человечны и теплы. Главной же внешней проблемой в рассказе представлена отвратительная организация, бардак, неумение военных властей наладить быт и логистику (о чем в первых текстах речи не шло).

Таким образом, основные темы каждого из текстов не очень плотно монтируются друг с другом. Рассказы «не образуют целостного повествования... Особенно очевидна противопоставленность второго рассказа первому и третьему»³. От подчеркнутого героизма «Севастополя в декабре месяце» почти нет следа в следующих двух

сочинениях, но при этом мелкие страсти не отменяют способности воинов к самопожертвованию; светские развлечения во втором рассказе выглядят как признак «аристократической» гнильцы, а в первом — как естественное состояние военного космоса, даже своего рода мудрость жизни; в третьем рассказе активно продвигается идея абсурда войны, а в первом война подавалась как будничное состояние мироздания; такого рода противоречий — много. Если попытаться описать книгу как единое целое, концы с концами сойдутся не слишком охотно. Не стоит, однако, забывать, что это вообще важное свойство поэтики Толстого: концы с концами не сходятся у него часто, и особенно выразительным образом — в «Войне и мире». Не исключено, что невозможность заверченного, непротиворечивого высказывания является главным «месседжем» этого сочинителя.

ЧТО ТОЛСТОЙ ДЕЛАЛ В СЕВАСТОПОЛЕ?

В мае 1853 года Толстой, служивший юнкером на Кавказе, решил оставить армию и подал прошение об отставке, которая, однако, не была принята ввиду начавшейся Крымской войны. Тогда Толстой попросил о переводе в Дунайскую армию, а затем и в осажденный Севастополь.

Он прибыл в город 7 ноября 1854 года, а окончательно покинул его в начале ноября 1855-го. Поначалу, проведя в Севастополе девять дней, Толстой был приписан к батарее, которая находилась на отдыхе в шести верстах от Симферополя, и долго не участвовал в битвах, даже просился (безуспешно) в феврале о переводе в воюющее подразделение в Евпаторию. Но вскоре его перевели в Бельбек, в ночь с 10 на 11 марта он участвовал в опасной вылазке, а вскоре попал на самый опасный Язоновский редут четвертого бастиона уже в самом Севастополе, где полтора месяца принимал активное участие в военных действиях. Вскоре после большого сражения 10–11 мая его снова перевели в менее опасное место (был назначен командовать двумя орудиями горного взвода несколько в отдалении от города), но позже он вновь оказался на передовой, в том числе участвовал в решающих и трагических для русской армии сражениях 4 и 27 августа 1855 года (в последнем командовал пятью пушками).

Толстой был награжден орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость», медалями «За защиту Севастополя 1854–1855» и «В память войны 1853–1856». Собственно батальных подробностей в исторических документах не зафиксировано, зато есть воспоминание сослуживца⁴ о забаве Толстого «пройти перед жерлом заряженной пушки в немногие секунды, которые

отделяли вылет ядра от поднесения фитиля» — и другое воспоминание: когда на бастион приходили знакомые зеваки, подобные экскурсantu из «Севастополя в декабре», Лев Николаевич тут же велел открывать огонь по противнику, чтобы экскурсanty поприсутствовали при ответном.

В отдалении от театра военных действий и в промежутках между сражениями Толстой успевал заниматься многими разнообразными делами. Ездил на охоту, «в Симферополь танцевать и играть на фортепьянах с барышнями» (письмо брату Сергею 3 июля 1855), много играл в штосс и проигрывал крупные суммы, читал книги, писал повесть «Юность», сочинял боевые воззвания, писал аналитическую записку «Об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» и всерьез планировал учредить периодическое военное издание.

В современном (да и во вневременном) российском контексте очень уместно привести также следующее воспоминание, подтвержденное разными источниками⁵: «По обычаю того времени, батарея была доходной статьей, и командиры батареи все остатки от фуража клали себе в карман. Толстой же, сделавшись командиром батареи, взял да и записал на приход весь остаток фуража по батарее. Прочие батарейные командиры, которых это било по карману и подводило в глазах начальства, подняли бунт: ранее